

настроение читать

ПРЕЛЕСТНЫЕ КАРТИНКИ

СИМОНА ДЕ БОВУАР

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Б 72

Simone de Beauvoir
LES BELLES IMAGES
Copyright © Éditions GALLIMARD, Paris, 1966

Перевод с французского Лены Зониной
Серийное оформление Владимира Гусакова
Оформление обложки Татьяны Павловой

Бовуар С. де

Б 72 Прелестные картинки : роман / Симона де Бовуар ; пер. с фр. Л. Зониной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2025. — 224 с. — (Настроение читать).

ISBN 978-5-389-28929-1

«Прелестные картинки» — один из самых известных романов французской писательницы Симоны де Бовуар, иконы феминистского движения, властительницы умов середины XX века. Жизнь главной героини Лоранс достойна зависти: верный муж, две очаровательные дочери, интересная работа в рекламном агентстве, обаятельный любовник. Она окружена «прелестными картинками», которые привыкла использовать для рекламы томатных соусов и паркетных полов. Что же скрывается за этими блестящими декорациями? Реальный мир, подлинные чувства? Или пустота, в которой нет ничего, кроме одиночества и тоски?

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

© Л. А. Зонина (наследник), перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2025
Издательство Азбука®

ISBN 978-5-389-28929-1

Клоду Ланзману

ГЛАВА 1

«Октябрь в этом году просто небывалый», — говорит Жизель Дюфрен; они кивают, улыбаются, летний жар струится с серо-голубого неба. (Что в них есть такое, чего мне не хватает?) Совершенная картинка, уже воспроизведенная в «Плэзир де Франс», «Вотр мезон»¹, ласкает их взор: ферма, купленная по дешевке, за ломоть хлеба — ну пусть хлеба с маслом, — перестройка которого Жан-Шарлем потянет уже на тонну икры («Миллионом больше, миллионом меньше, не обеднею», — сказал Жильбер), розы у каменной стены, хризантемы, астры, далии, «красивейшие в Иль-де-Франс», — говорит Доминика; зонты и кресла — голубые и лиловые — до чего смело! — выделяются на зелени лужайки; лед позвякивает в бокалах; Удан целует руку Доминике, тонюсенькой в своих черных брюках и ослепительной блузке; светлые волосы седеющей блондинки, со спины ей

¹ Иллюстрированные журналы, посвященные благоустройству квартир, домов, усадеб.

дашь тридцать лет. «Никто не умеет устраивать приемы, как вы, Доминика». (В эту минуту в другом саду, совсем ином и в точности таком же, кто-то произносит те же слова и та же улыбка приклеивается к другому лицу: «Какое чудесное воскресенье!» Почему я об этом думаю?)

Все было безукоризненно: солнце и ветерок, жаровня — барбекю, сочные бифштексы, салаты, фрукты, вина. Жильбер рассказывал о путевых и охотничьих приключениях в Кении, а потом углубился в японскую головоломку — надо найти место еще шести кусочкам, а Лоранс предложила им задачку с паромщиком, и они загорелись, они обожают удивляться самим себе и смеяться друг над другом. Весь день Лоранс была в ударе, отсюда ее подавленность под вечер. (Я циклотимичка¹.) Луиза играет с двоюродными братьями в глубине сада. Катрин читает перед камином, в котором трепещет легкое пламя: она похожа на всех счастливых девочек, читающих лежа на ковре. «Дон Кихот» на той неделе, теперь «Квентин Дорвард», не от этого же она плакала по ночам, но тогда отчего? Луиза была потрясена: «Мама, Катрин чем-то огорчена, она плачет по ночам». Учителя ей нравятся, у нее новая подружка, она здорова, дома у них весело.

¹ *Циклотимия* — психическое расстройство, которое выражается в резкой перемене настроений.

— Опять в поисках слогана? — говорит Дюфрен.

— Мне надо убедить людей обшивать стены деревянными панелями.

Удобно: стоит ей отключиться, все считают, что она подыскивает слоган. Разговор идет о неудавшемся самоубийстве Жанны Тексье. Держа сигарету в левой руке и приподняв правую, точно предупреждая, чтоб ее не прерывали, Доминика говорит своим властным, хорошо поставленным голосом:

— Не так уж она умна, карьерой она обязана мужу, но все же, если ты одна из самых заметных женщин в Париже, непозволительно вести себя как мидинетка!¹

В другом саду, совсем ином и в точности таком же, кто-то говорит: «Доминика Ланглуа обязана своей карьерой Жильберу Мортье». А это несправедливо, она проникла на радио в сорок пятом и всего добилась собственными силами — работала как лошадь, топтала тех, кто ей мешал. Почему им так нравится перемывать друг другу косточки? Они наверняка говорят — Жизель Дюфрен в этом не сомневается, — что мама заарканила Жильбера из корысти — этот дом, путешествия, не будь

¹ *Мидинетка* (от фр. «midi» — «полдень» и «dinette» — «легкий обед») — так в XIX веке в Париже называли молодых девушек, как правило работавших в лавках или швейных мастерских. В переносном значении — простушка, наивная девица.

Жильбера, ей были бы не по карману, это верно, но он дал ей нечто большее: она ведь все-таки слегка растерялась, когда бросила папу (он бродил по дому как неприкаянный, уж очень безжалостно она покинула его, едва Марта вышла замуж); своей самоуверенностью она обязана Жильберу. (Разумеется, можно было бы сказать...)

Юбер и Марта возвращаются из лесу с огромными охапками веток. Высоко подняв голову, она бодро вышагивает с улыбкой, застывшей на губах, святая, пьяная от радостной любви к Богу, эту роль она играет с той поры, как обрела веру. Они занимают свои места на голубых и лиловых подушках, Юбер закуривает трубку, которую он — последний человек во Франции — еще именует «старушкой-носогрейкой». Улыбка паралитика, грузное тело. Путешествуя, он надевает черные очки: «Обожаю путешествовать инкогнито». Прекрасный дантист, посвятивший весь свой досуг тьерсе¹. Я понимаю, что Марта ищет, чем заполнить жизнь.

— В Европе летом не найдешь ни одного пляжа, где можно вытянуть ноги, — говорит Доминика, — а на Бермудах пляжи огромные, почти пустынные, и никто тебя не знает.

¹ *Тьерсе* — букмекерская ставка на скачках, где необходимо ставить на трех первых лошадей в заезде.

— Короче, дыра-люкс, — говорит Лоранс.

— А Таити? Почему вы не хотите поехать снова на Таити? — спрашивает Жизель.

— В пятьдесят пятом на Таити было прекрасно, теперь там хуже, чем в Сен-Тропе. Это так вульгарно...

Двадцать лет прошло. Папа звал ее во Флоренцию, Гренаду; она говорила: «Все туда едут. Это так пошло... Путешествовать вчетвером в машине: семейство Фенуйяр»¹. Он ездил по Италии, по Греции без нас, а мы проводили каникулы в шикарных местах — во всяком случае, тогда Доминика считала их шикарными. Теперь она пересекает океан, чтоб принять солнечную ванну. На Рождество Жильбер повезет ее в Баальбек...

— Говорят, прекрасные пляжи на бразильском побережье, и притом совершенно безлюдные, — говорит Жизель. — И можно заскочить в новую столицу. Мне бы так хотелось побывать в Бразилиа.

— Ну нет! — говорит Лоранс. — С меня хватает новых районов на окраинах Парижа, от них просто тоска берет! А тут целый город такой!

— Ты вроде своего отца — пассаистка², — говорит Доминика.

¹ *Семейство Фенуйяр* — герои одноименного французского фильма 1961 года, путешествующие мещане.

² *Пассаизм* (от фр. «passé» — «прошлое») — пристрастие к минувшему (в искусстве, культуре и проч.).

— А кто из нас не пассеист? — говорит Жан-Шарль. — В эпоху ракет и автоматики люди сохраняют тот же образ мыслей, что и в девятнадцатом веке.

— Только не я, — говорит Доминика.

— Ты во всем исключение, — говорит Жильбер убежденно (или, скорее, с пафосом: он всегда как бы смотрит на себя со стороны).

— Во всяком случае, рабочие, которые построили город, придерживаются моего мнения: они не пожелали расстаться со своими деревянными домами.

— У них не было выбора, дорогая Лоранс, — говорит Жильбер. — Квартплата им не по средствам.

Его рот округляется в улыбке, точно он извиняется за свое превосходство.

— Бразилиа — это уже вчерашний день, — говорит Дюфрен. — Это архитектура, в которой крыша, дверь, стена, труба существуют самостоятельно. Теперь поиски идут по линии создания синтетического дома, где каждый элемент поливалентен: крыша сливается со стеной и ниспадает в патио.

Лоранс недовольна собой; она сказала глупость, ясное дело. Вот что значит говорить о вещах, которых не знаешь. Не говорите о том, чего не знаете, учила мадемуазель Уше. Но тогда и рта не раскроешь. Она молча слушает, как Жан-Шарль описывает город будущего. Грядущ-

щие чудеса, которых он собственными глазами не увидит, почему-то приводят его в восторг. Он пришел в восторг, когда узнал, что человек в наше время на несколько сантиметров выше, чем в Средние века, а средневековый был, в свою очередь, крупнее доисторического. Они с такой страстью ко всему этому относятся, даже завидно. Дюфрен и Жан-Шарль с неослабевающим пылом снова рассуждают о кризисе архитектуры.

— Кредиты найти необходимо, согласен, — говорит Жан-Шарль, — но иными путями. Отказаться от собственной атомной силы — значит выпасть из истории.

Никто не отвечает; в тишине раздается вдохновенный голос Марты:

— Если бы все народы мира согласились на разоружение! Вы читали последнее послание Павла Шестого?

Доминика нетерпеливо обрывает ее:

— Очень авторитетные люди говорили мне, что если война разразится, то не пройдет и двадцати лет, как человечество вновь достигнет современной стадии развития.

Жильбер поднимает голову, ему осталось пристроить всего четыре кусочка:

— Войны не будет, дистанция между капиталистическими и социалистическими странами скоро будет сведена к нулю. Мы перед лицом великой революции двадцатого века —

производство сейчас важнее, чем собственность.

«Зачем же тогда тратить столько средств на вооружение?» — думает Лоранс. Но у Жильбера наверняка и на это есть ответ, а у Лоранс нет никакого желания оказаться еще раз посрамленной. К тому же Жан-Шарль уже ответил: без бомбы мы бы выпали из истории. А что это, собственно, значит? Очевидно, это было бы катастрофой; вид у всех подавленный.

Жильбер оборачивается к ней с милой улыбкой:

— Приходите в пятницу. Я хочу, чтоб вы послушали мою новую стереорадиолу «Hi-Fi»¹.

— Такую же, как у Карима и Александра Югославского, — говорит Доминика.

— Истинное чудо, — говорит Жильбер. — Послушаешь — и перестаешь воспринимать музыку обычной радиолы.

— В таком случае я отказываюсь ее слушать, — говорит Лоранс. — Я слишком люблю музыку. — (Ничего подобного. Я сказала это ради красного словца.)

Жан-Шарль очень заинтересован:

— Минимально сколько стоит вся система?

— Моноустановку вы можете получить за триста тысяч старых франков, это минимум,

¹ От *англ.* «high fidelity» — «высокая точность»; термин, означающий высокое качество звука.

жесткий минимум. Но это не то, совсем-совсем не то.

— А по-настоящему хорошая стоит около миллиона? — спрашивает Дюфрен.

— Послушайте, за хорошую моносистему надо заплатить от шестисот тысяч до миллиона. Я вам советую брать моносистему, а не посредственную стерео. Стоящий многокаскадный усилитель продается за пятьсот тысяч франков.

— Я так и думал: минимум миллион, — говорит Дюфрен со вздохом.

— Есть способы потратить миллион глупее, — говорит Жильбер.

— Если Вернь получит заказ в Русильоне, я сделаю нам подарок, — говорит Жан-Шарль Лоранс. Он поворачивается к Доминике. — Он придумал потрясающий план городка отдыха, который там собираются строить.

— У Верня всегда потрясающие идеи. Но их нечасто осуществляют, — говорит Дюфрен.

— Они будут осуществлены. Вы с ним знакомы? — спрашивает Жан-Шарль у Жильбера. — До чего увлекательно с ним работать; вся мастерская живет в ощущении подъема: чувствуешь себя не исполнителем, а творцом.

— Это самый крупный архитектор своего поколения, — ставит точку Доминика. — Он в крайнем авангарде урбанизма.

— Я предпочитаю все же работать у Монно, — говорит Дюфрен. — Мы не творцы, мы исполнители. Зато больше зарабатываем.

Юбер вынимает трубку изо рта:

— Стоит подумать.

Лоранс встает, улыбается матери:

— Я стащу у тебя несколько далий?

— Конечно.

Марта тоже встает, она отходит вместе с сестрой:

— Ты видела папу в среду? Как он?

— У нас он всегда весел. Пререкался с Жан-Шарлем для разнообразия.

— Жан-Шарль тоже не понимает папу. — Марта взглядом советуется с небом. — Он такой особенный. Папа по-своему причащен божественному. Музыка, поэзия — для него это молитва.

Лоранс склоняется к далиям, от этого лексикона ее коробит. Действительно, у него есть что-то, чего нет у других, нет у нее (но у них всех тоже есть то, чего нет у меня, чего же?). Розовые, красные, желтые, оранжевые — она сжимает в руке великолепные далии.

— Хороший денек, девочки? — спрашивает Доминика.

— Чудесный, — восторженно говорит Марта.

— Чудесный, — вторит Лоранс.

Свет меркнет, она не прочь вернуться домой. Она колеблется. Она тянула до послед-

ней минуты: попросить о чем-нибудь мать ей так же трудно, как в пятнадцать лет.

— Мне надо тебя о чем-то попросить...

— О чем же? — Голос Доминики холоден.

— Это касается Сержа. Он хотел бы уйти из университета. Его привлекает работа на радио или на телевидении.

— Тебе отец дал это поручение?

— Я встретила у папы Бернара и Жоржетту.

— Ну и как они? Продолжают разыгрывать Филемона и Бавкиду?¹

— О, я видела их всего минуту!

— Скажи твоему отцу раз и навсегда, что я не контора по устройству на работу. Я нахожу просто неприличным, что меня пытаются эксплуатировать таким образом. Я никогда ничего не ждала от других.

— Ты не можешь ставить папе в вину, что он хочет помочь своему племяннику, — говорит Марта.

— Я ставлю ему в вину, что он ничего не может сделать сам. — Доминика жестом отмечает возражения. — Будь он мистиком, траппистом², я поняла бы. (Вот уж нет, думает Лоранс.) Но он предпочел роль посредственности.

¹ *Филемон и Бавкида* — герои античного мифа, неразлучная пожилая пара, бедные, но любящие супруги.

² *Трапписты* — католический монашеский орден.

Она не прощает ему, что он стал парламентским секретарем-редактором, а не крупным адвокатом, как она рассчитывала, выходя замуж. «Встал на запасный путь», — говорит она.

— Уже поздно, — говорит Лоранс. — Я поднимусь навести красоту.

Немыслимо позволить, чтобы на отца нападали, а защищать его и того хуже. Когда она думает о нем, у нее сжимается сердце, точно она в чем-то виновата. Оснований, собственно, нет — я никогда не брала сторону мамы.

— Я тоже поднимусь, мне надо переодеться, — говорит Доминика.

— Я присмотрю за детьми, — говорит Марта.

Очень удобно: с тех пор как Марта ищет святости, она жаждет взвалить на себя все повинности и извлекает из них столь высокое блаженство, что можно все спихнуть на нее, не испытывая угрызений совести.

Причесываясь в комнате матери — деревенский дом в испанском стиле, чертовски красиво, — Лоранс делает последнюю попытку:

— Ты в самом деле ничего не можешь сделать для Сержа?

— Нет. — Доминика подходит к зеркалу. — Ну и лицо у меня! В мои годы невозможно целый день работать и каждый вечер выезжать в свет. Мне надо поспать.

Лоранс рассматривает мать в зеркале. Прелестная, совершенная картинка: женщина, ко-

торая стареет красиво. Стареет. Этого Доминика не приемлет. Она впервые сдает. Болезни, жестокие удары — ей все было нипочем. И вдруг в ее глазах смятение.

— Не могу поверить, что в один прекрасный день мне будет семьдесят.

— Ни одна женщина не держится лучше тебя, — говорит Лоранс.

— Фигура в порядке, я никому не завидую. Но взгляни на это.

Она показывает на глаза, шею. Конечно, ей уже не сорок.

— Тебе уже не двадцать, конечно, — говорит Лоранс. — Но многие мужчины предпочитают поживших женщин. Доказательство — Жильбер...

— Жильбер... Чтобы не потерять его, я убиваю себя светской жизнью. Это может обернуться против меня.

— Ну что ты!

Доминика надевает костюм от Баленсиаги.

Только не от Шанель: тратишь миллионы, а выглядишь, точно одеваешься на блошином рынке. Она шепчет:

— Эта стерва Мари-Клер. Ни за что не дает развода: только чтоб мне насолить.

— Может быть, она уступит в конце концов.

Мари-Клер наверняка говорит: эта стерва Доминика. Во времена Люсиль де Сен-Шамон Жильбер жил с женой, вопрос о разводе даже

не возникал, поскольку у Люсиль были муж, дети. Доминика заставила его разъехаться с Мари-Клер; разумеется, если он согласился, значит это его устраивало, но Лоранс тогда сочла, что мать слишком жестока.

— Заметь, жить вместе с Жильбером очень рискованно. Он любит свободу.

— Да и ты тоже.

— Да.

Доминика поворачивается перед трюмо и улыбается. На самом деле она в восторге от того, что будет обедать у Вердле. Министры ей импонируют. До чего я недоброжелательна, думает Лоранс. Это ее мать, она к ней привязана. Но это и чужая женщина. Кто прячется за картинками, мелькающими в зеркале? А может, никто?

— У тебя все в порядке?

— В полном. Порхаю от успеха к успеху.

— А девочки?

— Ты видела. Процвetaют.

Доминика задает вопросы — так положено, но она сочла бы неприличным, если б ответы Лоранс были тревожными или хотя бы подробными.

В саду Жан-Шарль склонился над креслом Жизель: легкий флирт, который льстит им обоим (и Дюфрену тоже, я полагаю), каждый внушает другому, что у них мог бы быть роман, хотя им обоим это ни к чему. (А если бы

вдруг они завели роман? Думаю, меня это не тронуло бы. Значит, бывает любовь без ревности?)

— Так я рассчитываю на вас в пятницу, — говорит Жильбер. — Когда вас нет, скучно.

— Да ладно вам!

— Честное слово. — Он с чувством пожимает руку Лоранс, точно они тайные сообщники; поэтому-то все и находят его очаровательным. — До пятницы.

Лоранс настойчиво приглашают в гости, все любят бывать у нее: она сама не понимает почему.

— Чудесный день, — говорит Жизель.

— При нашей парижской жизни без рядки никак нельзя, — говорит Жан-Шарль.

— Без этого не обойдешься, — говорит Жильбер.

Лоранс устраивает девочек на заднем сиденье, запирает дверцы, садится рядом с Жан-Шарлем, и они трогаются по дорожке следом за машиной Дюфренов.

— Самое удивительное в Жильбере — это то, что он сохранил простоту, — говорит Жан-Шарль. — Когда подумаешь о лежащей на нем ответственности, о его могуществе. Ничуть не важничает.

— А зачем ему?

— Ты плохо к нему относишься, это понятно. Не будь несправедливой.

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

СИМОНА ДЕ БОВУАР
ПРЕЛЕСТНЫЕ КАРТИНКИ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Нина Писковитина, Людмила Дубовая

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 08.04.2025.

Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 9,87. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

16+

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А. www.pareto-print.ru

A-NAM-38041-01-R